

УВАРОВ ЖИЛ, УВАРОВ ЖИВ, УВАРОВ БУДЕТ ЖИТЬ?

Н.А. ХАФИЗОВА

Смутные 90-е годы, усилившие дезинтеграционные тенденции, к началу XXI в. с необходимостью развернули власть лицом к проблеме: как «собрать»? И эта цель была совершенно понятна – ведь чего стоит государственная власть, которая не может сохранить государственное единство? Решение было предложено простое и отвечающее историческому опыту существования нашей государственности: надо усилить централизацию власти и сформулировать, наконец, национальную объединяющую идею¹.

Первая задача была с успехом решена в годы путинского президентства созданием вертикали власти. Тогда же государственное единство все более стало ассоциироваться не столько с территориальным единством или духовным единением (которое вполне возможно при наличии разнообразия), сколько с идейным, даже идеологическим единством, которое и было признано *желательным*. И дело даже не в том, что правящая (лидирующая по числу мандатов в Государственной Думе) партия называется «Единая Россия», а в том, каким образом начало осуществляться это «собрание» вокруг центра. Показательной, например, является эволюция названия праздника, связанного с памятью об освобождении Москвы от польских интервентов осенью 1612 г. В 2002 году 4 ноября праздновалось как День единения и согласия, в 2004 году – как День согласия и примирения, а год спустя оно стало обозначаться как День народного единства: путь от «единения» до «единства». Но ведь понятия «единство» и «единение» – разные. «Единение» – это процесс гармонизации, упорядочивания различного, которое способно жить в согласии и совместной деятельности, оставаясь при этом собой. «Единство» – это характеристика состояния достигнутого консенсуса различных сил вокруг уже принятой всеми общей идеи, что не исключает существование отличающихся друг от друга позиций по вопросу: как ее реализовывать. Насколько в современной России сложилось единое понимание того, *что делать*, чтобы заявлять о единстве, – довольно проблематично увидеть. Правда, все чаще звучащая с разных сторон идея духовно-нравственного возрождения России вполне может стать таковой, и у нее – хороший объединительный потенциал.

И все же в политическом плане осуществить идею единства полностью не представлялось возможным в силу продекларированных в Конституции РФ демократических основ государ-

ственной жизни и отказа от власти одной идеологии, и поэтому нужна была такая идея, которая, не имея статуса политической программы, смогла бы объединить культурно-духовно. И такая идея не заставила себя долго ждать. РПЦ начала лоббировать идею православия как основы специфики российской цивилизации, активно предлагая ее в спорах вокруг введения в школы курса «Основы православной культуры». Ее голос звучал все увереннее. И власть услышала.

Совершенно очевидно, что такая ситуация стала возможной в силу неразвитости гражданского общества, в котором, единственной по-настоящему самоорганизованной общественной силой с программой действий, зафиксированной в «Основах социальной концепции РПЦ», на начало XXI в. показала себя церковь. Правда, это произошло, конечно, не только в силу ее единственности и активности, но и потому, что церковь предложила путь, вполне устроивший власть. Так началось восхождение формулировок «теории официальной народности», если не в программных заявлениях «Единой России» и руководителей государства, то в реальных шагах (иногда, встречных, а иногда и совместных) церкви и государства. Уваровская формула «православие — самодержавие — народность» начинала выливаться в некоторые события общественной жизни, вполне отвечающие программе действий, которую условно можно назвать «православие — государство — общество». Целью предлагаемой статьи является попытка критического осмысления фактов проявления вышеназванной стратегии, подмывающей принцип светскости государства.

Российская цивилизация и православие. Обращение к идее усиления идентичности российской цивилизации само по себе, конечно, является важным. Ее тысячелетняя история позволила сформировать систему ценностей и жизненных стратегий, позволивших увидеть, что, хоть мы и часть европейской цивилизации, но часть уникальная². Внутри этого понимания и произошло обращение к православию как стержню российской цивилизации, как возможной «основе модернизации России»³, что выглядит, мягко сказать, неуместным.

Думается, что большинство согласно с тем, что российская цивилизация действительно складывалась как православная⁴. И в любой современной локальной цивилизации религия остается одним из самых эффективных и системно организованных способов кодирования ее ценностных оснований. Но это не означает в нашей ситуации, что ценностное ядро российской цивилизации может воспроизводиться *только* через православие. Ведь цивилизация не есть выражение религии, в ней религия наряду с другими формами культуры выражает, воспроизводит цивилизационные основания⁵.

Российская цивилизация идентифицируется не только по православию, но и по языку, исторической памяти, искусству, литературе (которая не всегда воплотила православное понимание человека, но всегда — понимание приоритета духовных ценностей над материальными), музыке, философии, системе ценностей и смыслов обыденного (повседневного) существования. Быть россиянином, и даже быть русским, и обладать при этом духовностью — это вовсе не предполагает обязательности быть православным.

Связывание будущей судьбы российской цивилизации только с православием неприемлемо. Надо понимать, что это — очередная идеология, призванная обслужить запрос государства на обеспечение почти безусловного доверия к нему со стороны общества (РПЦ в истории своих взаимоотношений с государством вполне обеспечивала это), а также содействовать прозелитистским устремлениям самой РПЦ. Россия полиэтнична и многоконфессиональна; в ней проживают не только верующие, но и атеисты. Более того, она является светским государством, и по Конституции РФ существует запрет на то, чтобы какая-либо идеология стала государственной. Но факты общественной жизни все более указывают не столько на простое сотрудничество церкви и государства по отдельным вопросам, сколько на то, что православие попало в ранг самых желательных партнеров по решению вопросов, связанных с духовностью.

Вот несколько аргументов в пользу того, что уваровская формула вполне реализуется. Как объяснить, что при конфессиональном многообразии среди праздничных дней, объявленных выходными для всех россиян, имеются и православные праздники? К ним относятся: Рождество, правда, в последние годы являющееся частью зимних каникул; Пасха, которая хоть и не «красный день календаря», но то, *как* она преподносится общественности, не идет ни в какое сравнение с информативным характером освещения праздников иных конфессий; 4 ноября — день Казанской Божьей Матери, ставший Днем народного единства⁶; а с 2011 г. планируется сделать государственным праздником День Крещения Руси (28 июля)⁷. В последнем случае власть подстраховалась, заявив, что не видит нарушения принципа светскости государства, так как это будет празднование исторического события, повлиявшего на культурное развитие страны и укрепление государственности. Но обращает на себя внимание тот факт, что инициатором празднования всех этих дней является РПЦ.

В содействовании повышению статуса православия среди остальных конфессий не последнюю роль играет освещение в СМИ религиозной принадлежности высших лиц государства. А как, если не пропагандой православия, объяснить показное

участие руководителей государства на праздничных службах, когда личный выбор и частное дело человека и гражданина, например, Д.А. Медведева выходят из пространства личного общения с Богом в публичное пространство и становятся фактом не столько духовным, сколько политическим.

И конечно, недавно возникшим аргументом в пользу наличия факта лоббирования нашей политической элитой интересов РПЦ является эксперимент по введению курса «Основы религиозной культуры и светской этики», о котором речь еще пойдет в этой статье.

Мифологемы современного православия. Опасность в таком вот виде существующих отношений РПЦ и государства хорошо проглядывается не только в подмывании основ светскости государства на практике. Такая ситуация вдохновляет церковь на создание мифологем — идей, искажающих представления о сути отдельных понятий, процессов и навязывающихся общественному мнению в качестве истинных, — для усиления аргументации в свою пользу.

Первая мифологема связана с почти безапелляционным отождествлением духовности с религиозностью, когда проблемы духовно-нравственного воспитания связываются с отсутствием религиозного воспитания. Так, патриарх Кирилл говорит: «Мне кажется, что самой главной проблемой современного мира, проблемой, сформированной, в том числе, определенным философским и политическим развитием западноевропейской жизни, является утрата понятия греха»⁸. Поднимая очень важную проблему современной российской жизни — проблему духовно-нравственного состояния общества, иерархи РПЦ систематически проводят в жизнь идею о том, что религиозное воспитание гарантирует нравственную устойчивость и четкое различие добра и зла. Истинное понимание добра и зла объявляется доступным только религиозному сознанию.

Очевидно, здесь оказываются искаженными следующие аспекты. Во-первых, не видится и вообще игнорируется, что духовность — это уникальное свойство человека, проявляющееся в наличии морального сознания, которое вполне может быть освобождено от религиозной аргументации⁹, а также в таких модусах, как смысложизненное беспокойство, развитость эстетических чувств, добровольное участие в общественно-значимых практиках, творчество и т.п. А религиозность — это мировоззренческая ориентация, которая может быть лишь условием духовности, причем условием не всегда необходимым и достаточным.

Во-вторых, само утверждение, что церковь владеет истинным видением добра и зла, провоцируя бесплодные споры вокруг содержания этих понятий, ведет к их упрощенному, по-

верхностному пониманию. Может быть, следует не спорить об истинности моральных систем, а показывать *единое* во всех ценностных системах — моральные правила / принципы? Именно последние запускают индивидуальную рефлексию человеком своего поступка — осуществленного или готовящегося — не в его абстрактном соответствии тому, что считается добром или злом, а в его конкретной содержательной наполненности, нацеленности на благо вот-в-этих условиях в отношении вот-этих конкретных людей (человека).

Следующая мифологема говорит о том, что права человека и толерантность противоречат духовно-нравственным интересам человека и общества, и следование им не может считаться добродетелью, «ведь знание основополагающих духовно-нравственных ценностей своей религиозно-культурной традиции станет надежным компасом для молодежи в современном мире. В мире, где все труднее различать добро и зло, где часто под видом борьбы за права человека совершается фактическая пропаганда греха и вседозволенности, где черное часто называется белым, а порок подается как правильный образ жизни»¹⁰, — говорит патриарх Кирилл.

Как так получилось, что права человека фактически противопоставляются человеческому достоинству? Ведь не концепт «права и свободы человека» виноваты в наличии зла и безнравственного поведения, а то, что ими пользуется незрелая личность. Но духовную зрелость личности нельзя иницировать отменой прав человека, пространства толерантности или формированием узко культурной идентичности. Наоборот, в современном мире личностное взросление связывается с развитием чувства собственного достоинства и таким его утверждением, которое соответствует человечности. И в наибольшей степени это возможно в парадигме гарантированных прав и свобод, предполагающей их ответственную реализацию.

Не совсем понятно, почему толерантность ассоциируется у РПЦ с попустительством греху, с размыванием системы ценностей, с потерей истины. О какой истине идет речь? И как понимается толерантность, если она выпадает из ряда добродетелей и называется утопией?¹¹ Думается, что толерантность вообще нельзя рассматривать в поле проблемы истинности, как это делается представителями РПЦ. Например, утверждается, что толерантность лишает человека внутренней вертикали, так как ею ставится знак равенства между различными ценностными системами. Но знак равенства — это лишь признание их равного права на существование, а не одинаковости их значения или, еще хуже, тождественности. Толерантность есть принятие факта, что в социальном пространстве не может быть единой для всех вертикали ценностей, но каждый волен и должен построить

свою вертикаль, так как именно ее наличие и позволяет назвать конкретного человека существом духовным.

Быть толерантным — это не означает потворствовать злу (потому что быть толерантным не тождественно — быть равнодушным; толерантный человек сохраняет чуткость к несправедливости, насилию, ко всему, что угрожает жизни и здоровью человека), но всегда — не-навязывать свою систему взглядов. Обсуждение толерантности более уместно, таким образом, в поле проблемы мирного сосуществования различных ценностных систем. Но понимание толерантности в этом ключе, видимо, не актуально для РПЦ в силу мечты иметь духовную монополию на территории России хотя бы на христианское учение.

Последняя мифологема, о которой необходимо сказать пока лишь в качестве потенциальной, связана с тем, что РПЦ настаивает на том, что отношения церкви и государства полностью соответствуют принципу светскости государства и школы. Так, протоиерей Андрей Кураев вроде совершенно правильно пишет: «Из Европы, из Франции пришло слово “светский”. Его антоним — слово “клерикальный”, а не слово “религиозный”. Светский — значит **неконтролируемый** и не финансируемый **церковной властью — и все**»¹². Но ведь светское — не только то, что материально и управленчески не зависит от власти церкви (или какой-либо другой конфессиональной организации), но и то, что свободно от духовного диктата (монополии) или лоббирования привилегированного существования какой-либо конфессии в пространстве духовной культуры общества. Неполное, урезанное понимание «светского» и создает условия для его трансформации в мифологему, позволяющую в упор не видеть нарушения принципа светскости государства.

Мало того, «светскость», «светское», подчас, истолковываются самой церковью конъюнктурно, что превращает эти понятия уже в идеологему. Думается, что введение курса «Основы религиозной культуры и светской этики» лишь подтверждает эту интуицию.

То, что в названии курса присутствует концепт «светская этика», не спасает, а только усугубляет ситуацию. Совершенно верно подмечено О.П. Зубец в экспертном заключении по модулю курса «Основы светской этики»¹³, что светскость не является свойством морали. Так, она пишет: «Этические системы различаются, в первую очередь, по способу обоснования морали, но не по нормативно-ценностному содержанию, которое и является основным содержанием учебного курса. Поэтому выделять его содержательно по признаку “светскости” нет никаких оснований»¹⁴. Но на названии модуля по этике настояли представители РПЦ, патриарх Кирилл сам подтвердил факт, что именно церковь первая заговорила о необходимости этого блока.

Что же из этого получилось? Если идти от понимания «светскости» как вне религиозности, ассоциирующейся не столько с содержанием, сколько с формой социального контроля, то светская этика как будто должна быть подконтрольна не религии, а «мирскому», гражданскому обществу, и отражать запросы последних. Вот и генеральный директор издательства «Просвещение» Александр Кондаков, характеризуя учебник «Основы светской этики», говорит: «Светская этика отражает нормы и правила поведения людей в поликонфессиональном, полиэтническом, поликультурном российском гражданском обществе. И когда мне задают вопрос, какой документ лежит в основе светской этики, по аналогии с Библией и Кораном в православии и исламе, то ответ простой: Конституция России»¹⁵. Тогда стоило бы, быть может, данный курс назвать «Этикой гражданина» или «Этикой гражданственности»? Но, видимо, термин «светская» был необходим совсем для другого.

Выступая на XVIII международных рождественских чтениях, патриарх сначала заявил о неприемлемости понимания светского как атеистического, о том, что светскость есть лишь не-, вне- религиозность, обвинив современную школу в атеизме, идеологизации процесса обучения. А затем, давая характеристику светской этики, сам же сказал, что «наши сограждане должны знать, что светская этика — это нерелигиозная, то есть атеистическая мораль»¹⁶. Таким образом, становится ясно, что прилагательное «светская» в названии модуля было использовано одновременно и как оценочная характеристика, и как аргумент в пользу того, что курс соответствует духу светского образования. Реальный же анализ самого курса «Основы религиозной культуры и светской этики» показывает, насколько нарушается принцип светскости школы, и этого факта само государство не замечает, или не желает замечать, или, что еще хуже, осознает все, но делает вид, что так и должно быть.

Учебный курс «Основы религиозных культур и светская этика». В последнее время появилось множество критических статей в отношении эксперимента, начавшегося 1 апреля 2010 г. в 17 субъектах РФ¹⁷. Я не буду повторять и систематизировать различные аргументы, а лишь критически подчеркну те моменты, которые, как мне кажется, иллюстрируют прозелитистские намерения РПЦ (которая не раз хвалилась, что именно она настояла на такой структуре и методологии курса), и задействованность в данном проекте вышеописанных мифологем.

Первый вопрос, который у меня возник: почему этот курс вводится для детей 10 — 11 лет? Если духовность есть всегда результат рефлексивного мышления, спасающего от фанатизма и поверхностности, то почему курс, преследующий цель сформировать основы духовности будет преподаваться в возрасте,

когда глубокое рефлексивное освоение еще не возможно? Данные учебники, особенно по модулям конфессий, может быть, потому и вышли катехизическими, что в этом возрасте почти невозможно инициировать в большинстве детей философское, по сути, вслушивание в духовную культуру общества, в различные формы духовности. И это все не могло закончиться ничем иным, как изложением религиозных догматов, выдающим их за религиозную культуру, и предложением однозначных в своей истинности формулировок принципов духовной жизни и правильного поведения. Но все это можно осуществлять в рамках религиозных школ при каждой из конфессий. Зачем это нести в обычную школу?

Второй вопрос: почему в список конфессий, участвовавших в разработке данного курса, не вошли католики и протестанты? Разве среди граждан России нет детей из семей, принадлежащих к этим конфессиям? Почему их интересы игнорируются? Не потому ли, что самые страшные враги для РПЦ — именно католицизм и протестантизм и что она любым путем пытается уменьшить влияние этих конфессий? Прозелитизм православной церкви, как и остальных конфессий, участвовавших в этом проекте, здесь налицо¹⁸.

Третий вопрос: каким образом данный курс, где дети из шести модулей изучают только один по выбору (причем, вряд ли по собственному), работает на проблему уменьшения межконфессиональной и межнациональной напряженности в стране, которая занесла понятие «толерантность» в свои базовые документы? Понятно, что для РПЦ толерантность не является ценностью, но это понятие используется в формулировке одной из задач курса. А вот сама методология преподавания совсем не соответствует этой цели. Толерантность психологически зиждется на отсутствии страха перед другими, а это возможно, если имеется знание, понимание основ культуры других народов. Изучение только своей культуры чревато крайним выражением интолерантности — фанатизмом, а также внутренним равнодушием к проблемам людей других культур. По сути, курс «Основы религиозной культуры и светская этика» способствует не развитию толерантности, а формированию узко культурной, разобщающей в многонациональной стране, идентичности. Но ведь эту же самую идентичность вполне можно развивать на уроках истории, литературы, в семье, через участие в фестивалях культур, в народных и религиозных праздниках, для желающих — посещением богослужения и религиозных школ.

Следующий, четвертый, и очень важный вопрос: почему у нас духовно-нравственное воспитание свелось к религиозному или к усвоению морализаторских установок? Не потому ли, что духовность все более ассоциируется с религиозностью? Ведь

духовно-нравственное воспитание — это постепенное (а не за две учебных четверти) вхождение ребенка в пласт духовной культуры общества во всем его многообразии¹⁹. Дело школы — содействовать не формированию религиозной формы духовности, а осмыслению многообразия форм духовного бытия в культуре конкретного общества как условия для проклевывания духовности в самом ребенке.

Если уж так необходим курс, отражающий религиозную традицию в духовной культуре, намного уместнее было бы ввести в старших классах «Историю религии» с культурологическим подходом. И этот подход несколько не несет в себе опасности атеизма, если уж опережать претензии со стороны конфессий. Изучение разных религий несколько не угрожает религиозной идентичности верующего, но дает понимание естественности разнообразия религиозного опыта в различных условиях существования человека. Это также позволяет увидеть глубинные корни своей культуры, пережить ее ценность не в силу того, что она — единственно верная, а потому, что она наилучшим образом отражает специфику выживания и осмысленной жизни вот-в-этих жизненных обстоятельствах. А для усиления нравственной составляющей давно назрела необходимость введения в школьный курс самостоятельного предмета — «Этика».

Сам процесс разработки курса, нацеленного на духовно-нравственное воспитание, показал отсутствие в обществе разработанных процедур обсуждения таких крупных проектов, как введение в школьный курс нового предмета. Мнение граждан было отражено только в социологическом опросе родителей на предмет выбора модуля. Церковь и государство выступили здесь как тандем, который в принципе не желал слышать выводы общественной и научной экспертизы о проекте. Государство поставило сроки, в которые невозможно было уложиться с обсуждениями, и церковь это, видимо, вполне устраивало. А общество, которому время от времени дают высказаться (на встречах руководства страны с культурной элитой, в блоге президента), чтобы создать видимость триады «православие — государство — общество», на этот раз услышано не было.

В заключение хочется выразить позицию более точно. Конечно, никто не вправе навязывать церковным организациям цели их социальной активности. Церковь автономна и в определении способов достижения своих целей, но в светском государстве она действует в поле ответственных решений и действий, использует *свои* СМИ, воскресные школы, осуществляет социальные проекты, которые ей по силам в финансовом отношении. Не позволительно со стороны государства допускать поддержку прозелитистских амбиций РПЦ, для утверждения которых она,

уже почти не стесняясь, использует государственные структуры и, как любят говорить европейцы, деньги налогоплательщиков (среди которых есть представители иных конфессий и даже атеисты).

Замечательно, если духовно-нравственное возрождение станет объединяющей идеей, но это не должно осуществляться тандемом церкви и государства. Хочется надеяться, что государственные структуры задумаются и поймут, что нельзя сформировать духовность таким наскоком, как сейчас пытаются это сделать в образовании. Более того, духовность вообще нельзя сформировать (можно только создать матричное поведение внутри какой-либо духовной традиции), но лишь — инициировать духовное возрастание через актуализацию смысложизненного беспокойства, моральной и эстетической чувствительности, поиска ответов на кантовский вопрос: каким я должен быть, чтобы быть человеком? Духовное воспитание не должно давать, тем более, навязывать готовые ответы, но оно может показывать альтернативы и учить мыслить — критично, рефлексивно, ответственно. Думается, что государству стоит уделить внимание именно осмыслению того, как этому содействовать.

Вернемся к уваровской «теории официальной народности». Она была устаревшей и недейственной уже в момент своего появления: устаревшей своим неоправданным консерватизмом, недейственной, так как выдавала желаемое за действительное. И если мы хотим развития, полноценно реализующего принцип светскости государства, то не следует ее воскрешать даже в преобразованном под реалии начала XXI века виде. А уж если нам так нужна триада, то пусть это будет «правовое государство — культурное многообразие народов России — гражданское общество», ключом утверждения которой следует признать духовно-нравственное возрождение во всем его многообразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Под национальной идеей традиционно для международного права понимается государственная идея-проект, а не идея какой-либо конкретной нации.

²Правда, признание этого факта вовсе не должно становиться препятствием для преобразований или инициировать процесс отгораживания от западноевропейской системы ценностей, но должно способствовать развитию при сохранении культурного ядра.

³См.: «Единая Россия» назвала православие нравственной основой модернизации России // <http://lenta.ru/news/2010/02/17/formula/>.

⁴Хотя не стоит забывать, что в формировании российской цивилизации был мощный славянско-языческий элемент, выражавшийся в феномене двоеверия. Да и само русское православие воплотило в себе многие цен-

ностные установки и смыслы славянского этапа существования нашей цивилизации (подробнее об этом см.: *Ионов В.В.* Российская цивилизация. – М., 1998; *Василенко И.А.* Политическая глобалистика. – М., 2003).

⁵ Цивилизации Запада и Востока, например, отличаются друг от друга не потому, что различны их религии, а наоборот, эти религиозные системы потому и специфичны, что возникали в особых природно-географических и культурных реалиях.

⁶ Практика, когда традиционный праздник подменяется современным проектом, в свое время с успехом была освоена РПЦ в отношении языческих праздников. Правда, здесь происходит противоположное: новое обличье используется для восстановления старого празднования.

⁷ См.: <http://www.dni.ru/society/2010/4/21/190226.html>.

⁸ Интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла Первому телеканалу (31.01.10) // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1058792.html>.

⁹ Иначе мы вынуждены будем признать, что все атеисты стоят вне поля морали и бездуховны. Подробнее о проблеме отношений религии и морали см., например, в дискуссии, инициированной А.А. Гусейновым «Возможна ли мораль (нравственность), независимая от религии?» // <http://ethicscenter.ru/t/guseinov/1.html>.

¹⁰ Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (23.12.09) // <http://www.patriarchia.ru/db/text/969773.html>.

¹¹ По логике православия, толерантность следует вообще назвать антиутопией, ведь утопия – это идеальная совершенная модель, которая не может быть осуществлена в реальности в силу принципиального несовершенства последней.

¹² Протоиерей Андрей Кураев. Срыв курса светской этики может быть заранее продуманной партитурой // Православие и мир. 17. 01. 2010 // <http://www.pravmir.ru/protodiakon-andrej-kuraev-sryv-kursa-svetskoj-etiki-mozhet-byt-zaranee-produmnoj-partituroj/>.

¹³ *Зубец О.П.* Экспертная оценка оригинал-макета учебника «Основы светской этики» 4 – 5 кл. Бондаренко Л.И., Перов В.Ю. // <http://iph.ras.ru/page50562154.htm>.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: <http://www.runewsweek.ru/society/33169/?referer1=rss&referer2=news>.

¹⁶ Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Международных Рождественских чтений (25. 01. 10) // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1048821.html>.

¹⁷ Подборку материалов см.: <http://iph.ras.ru/uchebnik.htm>.

¹⁸ Неужели сами конфессии не понимают, что такими действиями они трактуют религию скорее в качестве социального института, стремящегося утвердить свою власть (далеко не всегда духовную), чем в качестве особого типа мировоззрения, дающего смыслы для жизни.

¹⁹ Так и хочется спросить: почему мы не учимся у Европы лучшему? В школах европейских стран отсутствует изучение основ какой-либо конкретной религии. Например, в Италии – католической стране – в школах

вообще сняли со стен кресты. Понятно же, что духовность не связана с наличием креста на стене класса или с преподаванием Закона Божьего.

Аннотация

Статья посвящена описанию идеологем и мифологем, навязываемых в последнее время общественному сознанию со стороны РПЦ. В ней подвергнуты критическому осмыслению тенденции взаимоотношений церкви и современного российского государства. Автор рассматривает православие и специфику российской цивилизации, духовность и религиозность, интерпретацию РПЦ прав человека и толерантности, смысл светскости государства и образования. Особое внимание автор уделяет учебному курсу «Основы религиозных культур и светская этика», введение которого в учебную программу средней школы стало знаком реального сближения РПЦ с государством и нарушения принципа светскости.

Ключевые слова:

светское образование, светское государство, мифологемы современного русского православия, «Основы религиозных культур и светская этика», духовность.

Summary:

The article describes ideas and myths, imposed upon society by Russian Orthodox Church (ROC). The author considers the relations between ROC and modern Russian State and examines orthodoxy and specific character of Russian civilization, spirituality and religiousness, Orthodox interpretation of tolerance and human rights, meaning of secularity of state and education. The special attention is paid on consideration of school course «Basic religion cultures and Civil Ethics» because its introduction to the program of secondary education is a sign of real convergence between Russian Orthodoxies Church and Russian State.

Keywords:

secular education, secular state, mythologies of modern Russian Orthodox Church, «Basic religion cultures and Civil Ethics», spirituality.